

И звезда небесный хоровод...

Возражавших не было. В субботу водитель редакционного «газика»-полуторки милейший Андрей Федорович Артемов подал автомашину в назначенное время, предварительно наполнив деревянные кузов мелкими, как солома, обрезками срыва газетной бумаги, чтобы пассажиров меньше трясло на неровностях дороги.

Собрались почти все. Поехали на Оку, к Железнице. Выбрали место стоянки, разбили две лагерные палатки. Была пора земляники, и многие, несмотря на сумерки, устремились в лес.

Возвратившись, и не заметили, как вспыхнула в небе одна звезда, другая, третья. И вот уже весь небосвод засверкал мириадами звезд — вечер опустился как-то незаметно, тихо. Только и слышался занудный комариный писк, время от времени перебиваемый отдаленным перестуком электрочки.

Запалили общий костер. Быстро вскипятили два ведра родниковой воды, заварили чай «с дымком». Всю домашнюю снедь выставили на разостланную большую клеенку «в общий котел». Перекусили, попили чайку из котелка. Потолковали о том-о сем. В этом была какая-то неповторимая прелесть, недоступная в условиях городской квартиры.

Вскоре прозвучала и команда: «Отбой!» А я вместе со светлой памяти Владимиром Константиновичем Кузьминым — ответ.секретарем редакции — решили забросить пару донных удочек в надежде организовать небольшую ушницу. Вместе с нами пошли светлой памяти И. Т. Орлов — зав.отделом партийной жизни, А. Н. Хорошилов — зав.отделом писем, Слава Пуршев — художник и Дмитрий Блынский — литературный сотрудник газеты, к тому времени уже признанный и дома, и в Москве

В конце 50-х годов минувшего века поэт Дмитрий Блынский работал литературным сотрудником в областной партийной газете. В то время довелось там работать корреспондентом и автору этих строк.

Газета тогда широко освещала движение трудовых коллективов, борющихся за звание «коллектив коммунистического труда». Это означало, что производственные бригады работали по общему наряду, вечерами вместе учились, скажем, в средней школе или техникуме, вместе ездили в отпуск отдыхать.

Не помню, от кого из редакционных исходила эта инициатива, но однажды прозвучало: «Что же это мы? Призываем всех работать и жить по-коммунистически, а сами... Только дождались 18 часов — и по домашним углам. Вот в следующий выходной поедете-ка вместе на природу. Отдохнем на свежем воздухе, пообщаемся поближе, лучше узнаем друг друга».

как талантливый, многообещающий поэт. Присоединились к нам А. М. Некошнов, зав.отделом пропаганды, неистощимый рассказчик, и А. Н. Яновский, зав.отделом культуры, писатель и рыболов-любитель.

Вот и заброшена пара удочек-донюк, колокольчики которых напоминали о себе непрерывным трезвоном. В тот вечер довольно активно клевали сомята граммов по 300—400 весом.

Разожгли, как теперь модно говорить, «региональный» костер, стали затевать уху. Не прошло и получаса, как забулькал котелок с духовитым варевом. Откуда-то появились деревянные ложки, армейская фляга в чехле. Разлили ее содержимое по складным стаканчикам. Чокнулись: «Все за одного, один — за всех, братцы».

А ночь напыляла тихая-тихая, разбрасывая щедрыми руками звездное серебро по всему небу. Слава Пуршев, чуть отодвинувшись от костра, поднял лицо вверх, вглядываясь в бескрайность летней ночи. И тут сквозь приглушенный говор послышалась мелодия. Слава напевал вполголоса:

«Гори, гори, моя звезда...» Разговор смолк. Мы прислушались. Уловив это, замолк и Слава.

— Тоже мне, нашли певца, — иронично, ни к кому не обращаясь, сказал он. — Вот пусть-ка лучше нам Дмитрий Иванович что-нибудь новенькое выдаст...

— Давай, Дима, почитай, — стали просить мы.

— Да вы же все знаете, — робко пытался отделаться от просьбы Блынский.

— У тебя, пожалуй, узнаешь, — возразил Яновский. — Как из родника бьет. Каждый день что-то новое.

— Да не скромничай, Дмитрий, — поддержал нас Пуршев. — Почитай, что вчера мне показывал.

Оба они — и Блынский, и Пуршев — слыли настоящей гордостью газеты. Оба были, как говорят, в возрасте Христа (немного за 30), оба красавцы-мужчины, незаурядные таланты по самому большому счету. И закадычные друзья.

Отказать другу Дмитрий не мог. Он встал во весь свой высокий рост, плотнее рас-

ставив ноги, будто пробуя прочность земли под ними, привычным движением головы сбросил со лба пышную шапку волос и начал:

Я полон света,
слово утро мая:
Отец мне — город,
мне деревня — мать.
Я руки их шершавые сжимаю.
И тем силен,
что их могу сжимать...

Как сейчас вижу высокую фигуру Дмитрия, неровные блики огня на вдохновенном лице, искры костра, уносящиеся к нему и далее ввысь, будто превращаясь в новые и новые звезды. И голос... Сочный негромкий бас, с глубокими душевными модуляциями. Врезалась в память эта картина. Хоть и минуло более полувека. А она, картина эта, словно свежая цветная фотография, лежит на моем письменном столе.

Никто не смотрел на часы, никто не дремал, а Дмитрий, будто действительно черпая из бездонного родника, выдавал строку за строкой:

...Звезды, звезды...
Падают и светятся...
Их, звенящих, —

Глаз не отвести! —
Небосвод ковшом
Большой Медведицы

Черпает из Млечного пути.

Плавно растекался над окским берегом раскатиство-задумчивый голос. И только когда на востоке обозначилась светлая полоска приближающейся зари, Дмитрий, показав на нее рукой, как отрезал: «Все, ребята, спать!»

Конечно, каждый из слушавших поэта, воспринимал стихи по-своему, но несомненным, общим было одно: светлая поэзия рождала только светлые мысли.

Виктор ВЫСОКОСОВ,
член Союза журналистов
России с 1961 г.